

М. А. Фадеичева

НОВАЯ «ЛЕВИЗНА»: БОЛЕЗНЬ БЕЗ ДИАГНОЗА

**Фадеичева
Марианна Альфредовна**

доктор политических наук,
доцент, главный научный
сотрудник Института философии
и права УрОРАН

E-mail: fm366@mail.ur.ru

Посвящается 90-летию Октябрьской (1917 г.)
социалистической революции в России.

Вопрос об идеологической принадлежности, об идеологическом статусе той или иной политической партии можно отнести к разряду вечных, то есть философских, что связано с изменяющимися условиями постановки самого вопроса, ответ на который может дать политическая философия, свойственная определенной эпохе. Большинство положений, отражающих «левую» идеологию в России, остаются по-прежнему актуальными, так же, как это было во времена социалистического переворота девятнадцатого столетия. Знаток европейской партийной жизни О. Киркхаймер еще в конце 60-х гг. XX в. назвал политические партии «всеядными» и «разношерстными», а Э. Гидденс в 90-е гг. того же века сомневался в целесообразности деления на левых и правых. В настоящее время эти определения и сомнения стали актуальными для политических партий в Российской Федерации. Если до недавнего времени в единственной партии имелись четкие представления о стратегии и тактике революционной борьбы, имелась солидная теоретическая основа, содержащаяся в четко сформулированной партийной программе, отражающей идейный облик партии, то в условиях российского постмодерна, по существу являющегося «неопостсовдепом», все идейные критерии стали релятивными, контекстными и консенсусными. Однако социологические замеры упорно свидетельствуют о приверженности большинства левой идеологии.

Непреодолимые и непреодоленные симптомы российской партийной «левизны» обобщил В.И. Ленин в своей работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», которую он написал в преддверии II конгресса Коминтерна в апреле-мае 1920 года. В то время настоящих, истинных коммунистов, большевиков, «русских марксистов» на пути их революционных преобразований перманентно подстерегали опасности с двух сторон, и справа, и слева. Каждый уклон был по-своему опасен, поэтому приходилось бороться на два фронта: против правого оппортунизма как соединения реформистской теории и соглашательской тактики, а также против «левого» оппортунизма с его доктринерством и сектантством. И если «ученые дураки и старые бабы II Интернационала» страдали от старческой болезни оппортунистической «правоты», то молодые коммунисты в силу своей неопытности и недостаточной теоретической подготовленности страдали от детской болезни «левизны», заключавшейся в догматизме и сектантстве (сектантской тактике).

Последнее было гораздо опаснее, так как этот диагноз установить было гораздо сложнее при широкой распространенности самой этой болезни. Большая опасность «левого» оппортунизма была связана с его прикрытием «левой» фразеологией, играющей на чувствах масс. Так и 90 лет спустя после социалистической революции в России на «левом» фланге находится значительно больше партий, апеллирующих к чувствам, к «голосованию сердцем», щедро раздающим обещания «все поделить» по справедливости. Исторически были обозначены «грехи» левизны: мелкобуржуазная революционность с присущими ей чертами анархизма, что в свою очередь подталкивало к авантюристическим, а, следовательно, к контрреволюционным действиям. Сектантство означало недооценку революционных возможностей трудящихся, и, как следствие этого, неумение и нежелание бороться за переход масс на свою сторону.

Симптомы «разношерстного и всеядного» современного «левого» движения, которое следовало бы назвать не «новыми левыми», так как этот «идеоним» (имя идеологии) уже закреплён за определенным движением середины XX в., а «постнеолевыми» партиями и общественно-политическими движениями, можно обнаружить в ультрареволюционной теории, авантюристической тактике, делающей ставку на революционное насилие, в спекуляции на революционном энтузиазме, нетерпении и отчаянии масс. Если в начале XX в. было затруднительно разделить социум на буржуа и пролетариев, выделить носителей «левой» идеологии, хотя все же выделялись средние слои, группы мелкой буржуазии, студенчество и т.д., то в начале XXI века в силу усложнившейся социальной стратификации это становится абсолютно невозможным. Если В.И. Ленин видел «левизну» как болезнь роста молодых коммунистических партий, то почти через сто лет это представляется хронической болезнью, не связанной с социальными стратами, не связанной с возрастом партий, не связанной с коммунистической идеей.

Симптоматичным представляется и то, что левые революции эпохи постмодерна уже не могут самоопределиваться в идеологических терминах. Ни их названия, ни самоназвания не относятся к сущности революционных преобразований. Это – не буржуазно-демократические и не социалистические революции, но «бархатные», «оранжевые», «цветочные» и прочие, хотя в этих названиях мы выходим собственно за пределы РФ, за пределы революции, которая свершилась в начале 90-х годов XX века, но для нее так и не нашлось ни идеологического, ни метафорического определения.

Кроме вопроса о власти – основного вопроса всякой революции, не менее важным является вопрос о врагах революции. Нахождение врага – это вопрос о сущности революции и революционном самоопределении. Именно поэтому В.И. Ленин воздаст должное врагам социалистической революции в России, утверждая, что своей особой закалкой и окончательной победой в революции большевизм обязан своим врагам. Как ни удивительно, главным врагом оказывается «левый» оппортунизм, так как его источником были многочисленные мелкобуржуазные элементы в России ввиду особенностей ее социального состава. Большевизм вырос, сложился и закалился в долголетней борьбе против мелкобуржуазной революционности. Ее «левая» сущность была

обусловлена социальными особенностями мелкого собственника, мелкого хозяйчика. В соответствии с тем, как описывает его В.И. Ленин, это социальный тип, имеющий во многих европейских странах очень широкое массовое распространение, испытывающий постоянное угнетение, невероятно резкое и быстрое ухудшение жизни и связанное с этим разорение. Эти обстоятельства психологически объясняют легкий переход таких типов к крайней революционности. Однако такие типы не способны проявить выдержку и стойкость, организованность и дисциплину. Такая революционность представляется крайне неустойчивой и бесплодной. «Взбесившийся» от ужасов капитализма мелкий буржуа быстро становится покорным, апатичным, как отмечал В.И. Ленин, склонным к фантастике и увлечению любым «модным» буржуазным течением. Через 90 лет этому типу с трудом можно найти аналог, возможно, что это – вынужденно занятый физическим трудом «бич», «пролетарий умственного труда» или бюджетник-отщепенец.

Современные левые также как и 90 лет назад отличаются особой нетерпимостью и непримиримостью, нежеланием идти на тактически оправданный, идеологически допустимый компромисс. В.И. Ленин рассматривал этот вопрос на примере вопроса о работе в «реакционнейшем парламенте» в 1908 г. (именно в этом году «левые» большевики были исключены из партии из-за упорного нежелания принять участие в буржуазном парламенте), и на примере Брестского мира. В отношении последнего замечалось, что надо было находить компромисс даже с «бандитами германского империализма». Для объяснения того, что «есть компромиссы и компромиссы», что надо уметь анализировать обстановку и конкретные условия каждого компромисса или каждой разновидности компромисса, он использует «простое и популярное сравнение». В ленинском примере речь идет о том, что надо учиться отличать человека, который дал бандитам деньги и оружие, чтобы уменьшить приносимое бандитами зло и облегчить дело их поимки и расстрела, от человека, который дает бандитам деньги и оружие, чтобы участвовать в дележе бандитской добычи. Это умение представляется и в настоящее время чрезвычайно важным. И через 90 лет умение договариваться, использовать переговорные тактики, приходить к консенсусу при решении важнейших социально-политических вопросов по-прежнему остается недостижимым идеалом и даже отсутствующим в политических ожиданиях, а поиск врагов представляется излюбленным занятием, что являет «левую» сущность практически всех без исключения сегментов спектра политических сил.

Немаловажным оказывается то, что «левизна» в современном мире в условиях глобализации распространяется как моровое поветрие. Иначе говоря, левые движения имеют международное значение или резонанс. В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» говорится о международном значении русской революции. В.И. Ленин видел неизбежность ее повторения в международном масштабе: повсеместно должно произойти то, что было у нас. Однако звучало и предостережение, что после победы пролетарской революции в передовых странах или хотя бы в одной из них Россия сделается не образцовой, а опять отсталой (в «советском» и в социалистическом смысле)

страной.

Оценивая успех в борьбе со всяким оппортунизмом, Ленин определял мерило успеха в этой борьбе, – это победа на выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 г., когда через несколько дней после «пролетарского переворота 25. X. 1917» меньшевики были «разбиты наголову», получив 0,7 млн голосов (с учетом Закавказья – 1,4 млн голосов) против 9 млн голосов, собранных большевиками. Оценивая революцию в России, Ленин анализировал условия ее победы, условия успеха партии большевиков, которые видел в решительной борьбе с правым и особенно левым оппортунизмом. К условиям победы были отнесены железная партийная дисциплина и полная поддержка партии рабочим классом. Однако эти условия также должны были быть объяснены: как мог большевизм выработать и успешно осуществить строгую централизацию, навести железную дисциплину? Ответ заключается в исторических особенностях России. Прежде всего – это возникновение большевизма на прочном фундаменте – теории марксизма. Как замечал Ленин, Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, революционного героизма и прочих испытаний марксизм как единственно верную революционную теорию, выстрадала свой особый русский марксизм. После пятидесятилетней страдальческой предыстории начинается собственно большевистская история, короткая, но яркая и драматическая, возникшая на марксистской «гранитной теоретической базе». Эти первые 15 лет, к которым относятся годы подготовки революции (1903-1905), годы революции (1905-1907), годы реакции (1907-1910), годы подъема (1910-1914), годы первой всемирной империалистской войны (1914-1917), вторая революция в России (с февраля по октябрь 1917), стоят всех остальных следующих 75 лет.

Примечательно и поучительно, что на этой же теоретической базе сложились квазиреволюционные замашки левого оппортунизма. Это вполне закономерно, так как существует механизм, который мы можем назвать механизмом абсурдизации идеи. Именно об этом говорил Ленин, критикуя «левых» доктринеров революции. Он отмечал, что самое верное средство дискредитировать политическую идею и повредить ей является ее преувеличение, распространение за пределы ее действительной применимости, доведение ее до абсурда, тогда она сама превращается в абсурд. Такого рода медвежьей услугой, по его мнению, оказали европейские (голландские и немецкие) левые, однозначно утверждая абсолютное превосходство Советской власти над буржуазно-демократическим парламентом.

Действительно, в начале XX века в России была политическая партийная идеологическая сила, уравновешивавшая правое и левое, она переживала борьбу с меньшевизмом, то есть оппортунизмом и социал-шовинизмом, и с «левым» коммунизмом. Через 100 лет призрак аутентичного раннего коммунизма окончательно рассеялся, оставив свои фрагментированные бледные «левые» тени. Революции не будет, не будет даже тогда, когда «низы» не хотят старого и когда «верхи» не могут по-старому. На симулякры не распространяется основной закон революции.